

СМЕШНЫЕ ДЕТЕКТИВЫ

Елена Логунова

12 невест
миллионера

ЭКСМО

Тяпа Иванова

Елена Логунова

12 невест миллионера

«ЭКСМО»

2012

Логунова Е. И.

12 невест миллионера / Е. И. Логунова — «Эксмо»,
2012 — (Тяпа Иванова)

ISBN 978-5-699-60485-2

Оставшись без работы, Таня разослала кучу резюме и очень обрадовалась письму из гламурного журнала. Чтобы занять заветную вакансию, ей всего-то надо написать статью о виртуальных брачных агентствах. Недолго думая, она разместила анкету на сайте знакомств и тут же получила весьма интригующее предложение – состоятельный жених приглашал ее на смотрины не куда-нибудь, а в Грецию! Так Татьяна оказалась на солнечном острове, где с удивлением обнаружила – она отнюдь не единственная кандидатка, притом все девушки похожи, как родные сестры! Их поселили в шикарном поместье – настоящем райском местечке, только почему-то... заперли. А потом «невесты» начали по одной исчезать...

ISBN 978-5-699-60485-2

© Логунова Е. И., 2012

© Эксмо, 2012

Елена Логунова

12 невест миллионера

Я уснула в четыре, а она позвонила без четверти шесть.

– Здравствуйте, Татьяна Ивановна! Извините, что звоню вам так поздно...

– Рано, – поправила я, проглотив ругательства.

– Зря проглотила: с ругательствами было бы доходчивее, – пробурчал мой внутренний голос.

Вообще-то голосов этих у меня два, я называю их обладательниц Тяпа и Нюня. Первая – воплощение отваги и не всегда здорового авантюризма, а вторая – похвально добронравная тихоня и рохля. Они мне заменяют воображаемых друзей – примерно как Карлсон у Малыша.

Не подумайте, я не сумасшедшая! Просто в детстве родители и бабушки с дедушками так активно меня опекали, что у меня не было никакой возможности проявить себя особой самостоятельной и дерзкой. Вот тогда я придумала себе Тяпу. А Нюнечка... Нюнечка была идеалом моих заботливых родственников и осталась во мне с тех самых детских лет.

На сей раз Тяпа была права: без ругательств телефонная собеседница не поняла ни моих слов, ни моего настроения. Вибрирующим голосом, с нарастающей нервозностью, она продолжала:

– Случилось ЧП! Пропал мой товарищ, московский журналист!

– Простите, уважаемая! – перебила я, все еще сдерживаясь. – А я-то тут при чем?!

– Так ведь в справочнике для участников конференции написано, что вы отвечаете за работу со СМИ!

– Но не в таком же широком диапазоне!

Мы с Тяпой возмущенно фыркнули. Нюнечка страдальчески вздохнула.

В мои обязанности действительно входила организация работы акул пера. Однако та конференция, ход которой освещала почти тысяча журналистов, торжественно закрылась вечером, и я уже была вправе перейти от узкопрофессионального трудового подвига к широкомасштабным нетрудовым.

– Сколько лет этому вашему, пропащему?

– Тридцать, а что? Да это неважно! Важно, что в два часа ночи он ушел из ночного клуба «Снежинка» и до сих пор не вернулся в отель!

Я глубоко вздохнула. Потом медленно, с шипением, выдохнула сквозь зубы и плюнула в собеседницу ядом:

– Значит, тридцатилетний мужик, находясь в командировке в Сочи, после общего банкета ушел в одиночное плавание, и это, по-вашему, повод бить тревогу?

– Так ведь у нас с ним в десять утра самолет! Вот я вам и сигнализирую!

– Девушка, милая! Зачем мне сигнализировать? Я же не полиция! – проникновенно сказала я.

– В полиции со мной даже разговаривать не стали! Там бросили трубку! – слезливо пожаловалась милая, но несносная девушка.

Мое отражение в сумеречном зазеркалье покачнулось и мучительно зевнуло. В этот момент я, как никогда прежде, хорошо понимала нашу полицию. Телефонную трубку хотелось не просто бросить, а зашвырнуть с балкона восьмого этажа в пучину моря. И чтобы поглубже!

– Поэтому, пожалуйста, позвоните им вы! – попросила плаксивая приставала.

Я вздохнула, всколыхнув тяжким вздохом занавеску:

– Девушка, да вы представляете, что мне там скажут?

– Тогда позвоните в ФСБ!

– Девушка! Вы НЕ ПРЕДСТАВЛЯЕТЕ, что мне скажут в ФСБ!

– А к кому же тогда надо обратиться?! – Голос в трубке превратился в визг и ушел в ультразвук.

Я поморщилась, потерла ухо и посмотрела в потолок.

Он был белый, как снег. Это подарило мне подсказку:

– Девушка, а вы попросите Деда Мороза! Пусть он вручит вам вашего потерявшегося друга в качестве досрочного новогоднего подарка!

– Вы с ума сошли? – тяжкое подозрение увело голос в трубке в глубокие басы.

– Да нет, наоборот! – хмыкнула я.

В мозгу у меня просветлело.

Делегация от одной северной российской территории в качестве рекламной приманки для журналистов приволокла с собой на конференцию в Сочи Деда Мороза. Идея оказалась весьма неплохой – я отметила это с особым удовольствием, так как организаторы флешмоба предварительно спросили у меня совета. А я сказала, что будет классно, и вот, пожалуйста, – не ошиблась.

Подсмывая подол облегченного летнего «форменного» одеяния, белобородый Дед с посохом в руках полдня таскался по пляжу, позируя перед камерами, фотографируясь с народом и терпеливо мотая на седой ус детские и взрослые просьбы и пожелания.

Я, кстати, тоже не удержалась и с подачи безнравственной Тяпы попросила доброго Дедушку подарить мне разовую порцию счастья в личной жизни. Небольшую такую. Легкоусвояемую.

Хм...

Я извлекла заострившийся взор из туманных глубин мутного гостиничного зеркала и перевела его на кровать.

Относительно небольшая и легкоусвояемая порция счастья в личной жизни тихо сопела в подушку.

Я аккуратно выключила отчаянно взрыдывающий мобильник и сосредоточенно потрясла мускулистое плечо:

– Эй, как там тебя...

– М-м-м-му, – невнятно отозвалось «счастье».

– Му-Му так Му-Му, – сговорчиво согласилась я. – Слышь, Му-Му? Ты не помнишь название того ночного клуба, где мы с тобой познакомились? Это, часом, не «Снежинка» была?

– Угум, – эта интонация-модуляция определенно была положительной.

– А ты – журналист из Москвы, да?

– М-м-м-да-м-м...

Так.

Я секунду подумала и включила лампу. Сонное счастье протестующе застонало, но мне необходим был свет, чтобы найти записную книжку, а в ней – нужный телефон.

– Алле, девушка? – я позвонила на последний входящий номер. – Запишите телефончик. Плюс семь...

– А там... кто ответит? – плакса перестала реветь: обнадежилась.

– Да Дед Мороз, кто же еще! Объясните ему ситуацию, попросите к девяти утра вернуть вашего мужика в отель, и добрый Дедушка все устроит. Скажете – от моего имени, мол, просите!

Я не зря уже много лет курирую СМИ – непререкаемые командные нотки в голосе выработались.

– Хорошо, – растерянно пролепетала плакса, и ее голосок уступил место длинным гудкам.

Не теряя времени, я быстро настучала на кнопках нужный номер из записной книжки и, дождавшись, когда в трубке прорежется сонный голос пресс-секретаря делегации северо-русской территории, четко и внятно сказала:

- Здравствуй, Дедушка Мороз, борода из ваты!
- Это кто?! – хрипло изумились в трубке.
- Это я, ваш добрый ангел!
- Это ты-то – ангел?! – хрипы в трубке окрепли: меня узнали.
- Ну, ангел, не ангел...

Я коротко оглянулась на разворошенную кровать и вернула голосу чудодейственные командные нотки.

– Ты не ори, ты сначала послушай! Я вам с Дедом Морозом шикарный пиар органирую! Сейчас тебе позвонит одна московская журналистка, у нее к Дедушке будет деликатная просьба. Выслушай, не перебивая, и обещай, что непременно исполнишь! А с журналистки за это потребуй хвалебную публикацию в федеральном СМИ!

– Публикация – это здорово, но ведь мы чудес не делаем, – засомневался мой собеседник.

Я вздохнула:

– Это ВЫ чудес не делаете, а МЫ – запросто! И днем, и ночью... Короче, твое дело – поговорить с милой девушкой, а потом ложись спать, не тревожься, утро вечера мудренее.

Я выключила мобильник и обменялась понимающим взглядом со своим отражением в зеркале.

– Не слишком ли много ты работаешь? – сочувственно спросило оно меня голосом Нюни.

– Нормально, – мужественно ответила я. – Мы ж рождены, чтоб сказку сделать былью!

И вернулась в постель.

На часах было только шесть с минутами, и до девяти утра «переходящий подарок» от Деда Мороза по праву считался моим.

Звуки были душераздирающими.

Спросонья Афанасий подумал, что старушка соседка окончательно спятила и безжалостно терзает виолончель.

Воображение крупным планом нарисовало ему скрюченные артритом пальцы с желтыми ногтями, и в немелодичном завывании отчетливо прорезался скрежет. Потом к нему добавился мягкий стук, и тогда он вспомнил про кота, которого с вечера запер в ванной.

Кот рвался наружу, царапал дверь и орал, точно эстрадный певец Сергей Пенкин, занесенный в Книгу рекордов Гиннесса как обладатель голоса с неповторимым по своей широте диапазоном.

Афанасий вспомнил, что Пенкин берет более четырех октав, но голодный кот «развернулся» куда шире. Имело смысл и его занести в Книгу рекордов Гиннесса. Или в какое-нибудь другое, очень отдаленное место, откуда шедеврально голосистый кот не смог бы вернуться домой. Хорошо бы в глухую лесную чащу!

Афанасий дико устал быть хозяином этого талантливой и невыносимой, как все звезды, животного.

Кот был угольно-черным, и называли его, естественно, Пиаром.

Тощего брюнетистого зверя с глазами бессовестного пройдохи и шрамом через всю морду три дня тому назад притащила ему Эмма. Откуда взялось это сокровище, Афанасий еще не выяснил, но подозревал, что не одна секретарша, а все его креативные работнички в полном составе потрудились с проведением расширенного кастинга на помойках.

Сотрудники прекрасно знали о пугающей манере шефа погружаться в работу над сложным и важным проектом «а-ля подводная лодка», и все равно беспокоились, когда Афанасий полностью изымал себя из обращения на неделю-другую.

Девушки в бюро всякий раз волновались, что их нечеловечески талантливый босс, обуреваемый очередным трудовым порывом, не ест, не пьет, не бреется и не дышит свежим воздухом, в одиночестве запершись в четырех стенах своей холостяцкой квартиры. Сотрудники мужского

пола опасались, что Афоня, наоборот, безудержно пьет и вовсе не ночует дома, попутно подстегивая свое воображение разного рода весьма эффективными, но отнюдь не безвредными допингами.

Поскольку телефонные звонки и подбрасываемые ему кастрюльки с борщиками запойный трудоголик Журавлев игнорировал, заботливые подчиненные время от времени предпринимали более активные попытки прорвать его глухую оборону. Штурмовую группу обычно возглавляла его секретарша Эмма, а планы по спасению Афони генерировал весь дружный коллектив.

В идеях недостатка не было: в рекламном агентстве «Фигня Продакшн» работали только светлые головы. И наиболее светлой, бесспорно, была головушка самого Афанасия Гонсалеса Журавлева. Художник, дизайнер, компьютерный гений, создатель и директор знаменитого рекламного агентства – Афоня – успешно совмещал самые разные амплуа и был удивительно талантлив во всех своих проявлениях.

Вот только жениться ему почему-то никак не удавалось. Девушки через берлогу гения проходили «транзитом», и в период очередного творческого запоя он бывал трагически одинок.

– Шеф, вам нужно хоть о ком-нибудь заботиться, – недавно сказала Эмма, разгружая принесенные ею сумки.

В одной были продукты, в другой – Черный Пиар. Кот моментально слился в экстазе с сосисками, и Афоня понял, что теперь ему действительно будет о ком заботиться.

О самом себе!

Присутствие в доме этого кота всерьез грозило человеку смертью от голода, бессонницы и полного истощения нервной системы.

Если ребята думали, что кот Пиар самозабвенного труженика Афонию развлечет и взбодрит, то они не ошиблись. Сильнее, чем этот кот, его бодрил бы разве что регулярный электрошок.

– Да иду уже, иду, заткнись ты! – с безнадежностью в голосе крикнул Афанасий, топая босиком по полу в поисках тапочек.

Под ногами что-то мерзко хрустнуло. С грохотом покатилося под диван нечто стеклянное, цилиндрическое.

Кот (из ванной комнаты) издал низкий трубный звук, затем убедительно изобразил виртуозный гитарный «запил», на зубодробительной скорости проскочил четыре с половиной октавы и с ходу взял верхнее «си».

– Сумасшедший дом! – простонал Афоня, воздвигаясь во весь рост... как говорится, навстречу новому дню.

На рассвете он закончил работу, из-за которой в очередной раз подверг себя продолжительному затворничеству, и после этого – впервые за всю прошедшую неделю – безмятежно уснул. Голосистый кот не позволил ему выспаться всласть.

Афанасий вообразил себе красивый коврик из черного кошачьего меха и несколько секунд наслаждался этой мысленной картиной.

Кот снова подал голос, напоминая, что он живет всех живых.

Осмотрительно держась сбоку от двери, Афанасий выпустил из ванной взбешенного Пиара, уступил ему магистральную дорогу в кухню и по мере сил заторопился следом.

После чашки черного, как тот же пиар, крепкого кофе жить Афоне стало немного легче. Накормленный кот наконец-то милостиво заткнулся и ушел спать.

Афоня посмотрел в окно.

На давно немытое стекло игриво шлепались кленовые листья. Они были нежно-желтыми, как ладошки китайчат. Близилась осень, а с нею и новый рекламный сезон.

Афанасий ностальгически вздохнул.

Уединяясь дома для работы над каким-либо проектом, он уходил от всех прочих дел. Вдохновение накрывало его, как обострение хронической хвори: с лихорадкой, маниакальным блеском в глазах и горячечным бредом, как правило, выливающимся в гениальные проекты. Возвращение к реальности давалось Афоне тяжело, но его было не избежать. Администратор в душе Журавлева уже теснил художника.

– Слышь, Пи? А не съездить ли нам в офис? – позвал кота встревожившийся Афанасий.

Кот, хитрым кренделем свернувшийся на теплой еще подушке, даже не шевельнулся и дал тем самым понять, что ему абсолютно безразличны ближайшие планы хозяина. До ужина – имелся в виду кошачий ужин – Афоня мог быть совершенно свободен.

– А и съездим! – тускло, но – все-таки! – загорелся Афанасий Гонсалес.

Кот дернул кончиком хвоста, отмечая множественное число.

– Ладно, я сам.

Шустрым Гонсалесом – как мышонка из мультфильма – Афоню прозвали за то, что он никогда не откладывал на завтра то, что можно было сделать еще вчера.

Тем временем обезглавленное рекламное агентство пребывало в состоянии затянувшегося ступора.

– По-моему, это тупо, – сказала копирайтер Даша Климова и забарабанила пальчиками по столу, приговаривая в такт ударам: – Тупо-тупо, тупо-тупо, туп, туп, туп!

– Это кто, по-твоему, туп? – высокомерно спросил креатор Викентий, нервно дернув породистым носом. – По-твоему, это я туп?! А рекламную кампанию безалкогольного газированного напитка «Одуванчик» кто продвинул, – не я?

Даша Климова лишь печально вздохнула.

Вот уже вторую неделю в списке героических подвигов рекламного агентства «Фигня Продакшн» не было ничего более яркого, чем продвижение безалкогольной газировки. Отсутствие неподражаемого Афанасия Гонсалеса подкосило всю творческую деятельность агентства.

Копирайтер, креатор, дизайнер и не удостоенная столь же красивого и загадочного наименования ее должности секретарша безрадостно разглядывали незатейливый пейзажный натюрморт из капустного кочана, окруженного баклажанами, томатами, морковками и картофелинами.

Превосходные крепкие овощи и корнеплоды при содействии специалистов агрофирмы «Копылов и др.» родила щедрая русская земля. А вот родить слоган для продвижения своей замечательной продукции Копылов и его «др.», кем бы они ни были, заказали команде прославленного Александра Журавлева.

«Прославленный» пребывал в затянувшемся отпуске. Команда надрывно тужилась, но ничего путного пока что не родила.

– А если сделать так, как в песне поется, – секретарша Эмма заерзала на стуле. – Морковь крепка, и... И не знаю... И репки наши быстры!

– Тупо, – повторила Даша.

– Почему – тупо? Что-то в этом есть, – опять заспорил с ней Викентий. – Афоня сказал бы, что «морковь крепка» – это эротично. А реклама должна быть секси!

Даша Климова в большом сомнении посмотрела на ближайший к ней баклажан.

Баклажан был синим, скрюченным и откровенно несексуальным. Даже в анатомически правильной комбинации с двумя небольшими круглыми томатами он смотрелся бы не слишком эротично, не говоря уж о соседстве с капустой, в бледно-зеленых ложах которой увидеть что-то сексуальное сумел бы только извращенец.

– Я сдаюсь, – мрачно сказала Даша.

– Нет, Данька, стоп!

В низком кресле заворочался дизайнер Оскар Пуммер, которого рекламные девушки в зависимости от настроения и ситуации звали то Пумой, то Пумбой.

– Меня, может, эта махровая ботва тоже ни граммульки не возбуждает, но я же сижу! Смотрю! Думаю!

– Всем привет! О, а что это у нас тут? Коллективный сеанс вегетарианства и сыроедения? – не без ехидства спросил от дверей знакомый голос. – Неужто дела нашего агентства так плохи, что персонал переходит на подножный корм?

– Афоня! Ур-р-ра! Афоня вернулся! – после секундной паузы разногласо завопил персонал.

Четверть часа спустя Оскар Пуммер под диктовку перебивавших друг друга копирайтера и креатора вдохновенно рисовал черновую раскадровку рекламного ролика под девизом «Мне кризис не страшен – я ем овощи!». Секретарша Эмма с улыбкой от уха до уха а-ля Чеширский кот висела на телефоне, обзванивая клиентов и оповещая их, что «сам» наконец-то вернулся к жизни в искусстве.

«Сам» Афанасий Гонсалес Журавлев задумчиво гулял по своему кабинету вдоль протяженного стола для совещаний.

Туда – обратно, туда – обратно...

Челночное движение его успокаивало.

Против обыкновения, возвращение в лоно трудового коллектива не подарило Афанасию полномасштабной радости. Афоня хмурился.

Всей своей битой и штопанной шкуркой он чувствовал усиливающийся ветер перемен и еще не понял, чего он хочет в связи с надвигающимся штормом – отважно поднять парус или же вновь укрыться в своей тихой бухте наедине с шумным котом?

Если бы Афанасий выглянул в окно, он увидел бы, как по проспекту буревестником пролетел кортеж автомобилей, для пущего удобства следования которого многочисленные гаишники в парадной форме перекрыли движение на всех перпендикулярных и двух параллельных улицах.

Роковой звонок раздался в берлоге Афанасия Гонсалеса Журавлева поздно вечером.

Хозяин квартиры полулежа раскинулся на диване, с умеренным удовольствием вспоминая свой первый после долгого перерыва рабочий день и рассеянно глядя в телевизор, где показывали главную новость дня.

Главной новостью в родных широтах Афони был визит Очень Важного Лица с непростой биографией и головокружительными перспективами.

Вышло это Лицо из стройных армейских рядов, какое-то время кочевало по разного рода ключевым постам в регионе, а потом вдруг стремительно вознеслось в Москву и теперь буревестником кружило в столичном небе, острым взором хищной птицы присматриваясь к самой что ни на есть ответственной должности в стране. Ходили упорные слухи, что на следующих президентских выборах Лицо предпримет попытку стать не просто Важным, но Первым, и диктор на экране как раз рассказывал, что успех этой акции будет зависеть от телезрителей, которых по такому случаю снова временно повысят в звании до избирателей.

– Ну да, ну да! – дурашливо покивал экрану Афанасий и потянулся к зазвонившему телефону.

– Господин Журавлев, Афанасий Андреевич?

Голос в трубке был теплым и крепким, как бицепс хорошо размявшегося боксера.

– Ну да! – по инерции брякнул Афоня и, почувствовав неладное, выжидательно затих.

– С вами хотят поговорить. Это важно. Вы готовы?

– Всегда готов!

Встревоженный Афанасий приглушил звук телевизора.

– Как, как? Журавлев? – с грозным весельем произнес в трубке голос, знакомый всем-всем в крае и уже очень многим в стране. – Ну, молодец, Журавлев! Умыл международный олимпийский комитет! А они думали, их драконовские порядки по всему свету работать будут? Ан нет, наш русский Левша на выдумку горазд!

В трубке ружейной дробью рассыпался сухой отрывистый смех, после которого одинаково уместны были бы и монаршее одобрение, и суровый приговор.

Афоня похолодел и автоматическим движением потянул на себя плед, который поехал по дивану рывками с подскоками, потому что на нем с большим удобством расположился кот.

– Мя! – недовольно вякнул черный Пиар.

– Цыц! – сусликом свистнул Афанасий и вовсе обмер, испугавшись, что Очень Важное Лицо примет его хамскую реплику на свой счет.

Но голос в трубке вновь стал неузнаваемым и обманчиво мягким, как боксерская перчатка.

– Слышали, Афанасий Андреевич? Нам с вами нужно поговорить. Откройте дверь.

– Какую дверь?

– Ну, какую? Металлическую, с усиленным косяком и стальными упорами, на двух замках, внутренних, обыкновенных, с телескопическим глазком и, я так думаю, с запорными механизмами типа «засов» и «цепочка» с внутренней стороны, – с поразительной добросовестностью ответил на риторический вопрос сногшибательный голос в трубке.

– Все, Пиар, суши сухари, – пробормотал Афанасий и побрел на выход с вещами: в виде пледа в одной руке и телефонной трубки – в другой.

Обладателем впечатляющего голоса оказался невысокий немолодой мужчина незапоминающейся внешности, представившийся Иваном Ивановичем.

Рослый Афоня поверх его макушки стрельнул взглядом сначала вверх, а потом и вниз по лестнице. Он ожидал, что на перилах гроздьями будут висеть добры молодцы с автоматами, в оконном проеме скукожится пулеметчик, и еще кто-нибудь, столь же хорошо вооруженный, эдакой кукушкой высунется из люка мусоропровода. Армейское прошлое Важного Лица наложило на стиль его мирной жизни неизгладимый отпечаток танковых траков. Мало у кого из политиков была такая грозная репутация.

Однако невзрачный джентльмен высился на придверном коврикe в одиночестве, как цапля посреди болота.

– Вы ко мне? – в тему квакнул Афоня.

– Здравствуйте, Афанасий Андреевич! – приятно улыбнулся Иван Иванович и тоже заквакал: – К вам, к вам, к кому же еще! Позвольте?

В отсутствие автоматчиков и пулеметчиков, по идее, можно было бы попробовать и не позволить... Но Журавлев не рискнул так поступить.

Он пропустил незваного гостя в прихожую, жестом пригласил его не останавливаться на полпути, «приземлил» в мягкое кресло и уж тут не выдержал и спросил:

– А где же Он?

Как будто действительно ждал к себе с визитом Важное Лицо.

– Он у меня тут, – ответил Иван Иванович, опуская руку в брючный карман.

Афоня поднял брови. Журавлев знал, что Он невелик ростом, но не настолько же!

– Ну, Афанасий Андреевич! – Невзрачный тип бархатисто хохотнул и разжал кулак с миниатюрным диктофоном: – Вы же не думали, что Сам прибудет к вам лично? Вы слышали запись его голоса – фрагмент приватной встречи с представителем МОК в кулуарах хорошо известного вам сочинского клуба с названием на букву «О».

– Неужели?! Вы имеете в виду? – Афанасий порозовел от волнения и удовольствия. – О!

– Есть такая буква, – пошутил гость и свободно откинулся на спинку кресла.

Сочинский клуб на вышеупомянутую букву трудами самого Афанасия Гонсалеса Журавлева был известен очень и очень многим.

Вначале он получил печальную известность в оргкомитете предстоящих зимних Олимпийских игр, куда владельцы нового развлекательного комплекса раз за разом безрезультатно обращались с просьбами разрешить их перспективному детищу называться как-нибудь так, знаете ли... По-олимпийски!

Являясь начинающими акулами шоу-бизнеса, в некоторых вещах эти самые клубовладельцы были людьми поразительно простодушными, и тот факт, что олимпийский комитет законодательно закрепил за собою единоличное право использовать слова «олимпиада», «олимпийский», «Сочи-2014» и тому подобное в любых сочетаниях, поначалу не показался им заслуживающим внимания. Однако компромисс с названием найти не удавалось, переговоры зашли в тупик, и тогда наступил звездный час рекламного агентства «Фигня Продакшн» и лично Афанасия Гонсалеса Журавлева.

Афоня разрулил ситуацию на раз.

Название, предложенное им, было неприличным и великолепным: ночной клуб – прости, Господи! – «Олимписки»!

Шоу-бизнес аплодировал стоя. Оргкомитет скрежетал зубами, но был бессилён. Никакая символика игр в новом заведении не использовалась, в оформлении интерьеров присутствовали только полуобнаженные красавицы из пантеона древнегреческих богов, а географическое название «Олимп» в свое время не сумел запатентовать даже МОК.

При этом на слух неприличное название звучало безупречно респектабельно, и еще не было случая, чтобы от появления в сочинском клубе «Олимписки» отказалась хоть одна ВИП-персона!

Афанасий представил себе Важное Лицо в разноцветных отсветах вывески, периодически пикантно разбивающейся на две части, где начало слова игриво горело голубым, а конец – розовым. Срединная буква «П» присутствовала там сразу в обоих вариантах.

– Вы Его впечатлили, – словно подслушав мысли Афони, сказал незванный гость. – Он хочет, чтобы вы работали с нами.

– Кем?! – испугался Афанасий.

Воображение живенько набросало ему собственный автопортрет в бронежилете.

Потом воображение секундочку повозило по изображению ластиком и скупно выдало могилку с кривым крестиком.

Журавлев нервно сглотнул.

– Ну, кем!

Иван Иванович пожал плечами и тактично отмолчался, хоть и знал несколько достаточно неприличных слов, которыми мог бы исчерпывающе определить текущее состояние жизни и творчества Афанасия Гонсалеса Журавлева.

– Неужели Он хочет, чтобы я Его рекламировал?! – Афоня все еще сомневался.

– Да, – просто ответил гость. – Сейчас я вам все объясню.

Утро нового дня великий рекламщик встретил в нервно-приподнятом настроении.

Светящееся табло на входе в офисную башню любезно проинформировало Афанасия, что он опаздывает всего на семь минут, и это был его личный рекорд скорости. Подчиненные явились вовремя и ждали шефа в его кабинете, пребывая в напряженной тишине и утопая с головами в могучих клубах сигаретного дыма.

– Афоня! Что это было?!

Оскар Пуммер первым среагировал на распахнувшуюся дверь и, не глядя на ворвавшегося в помещение шефа, со злобещим выражением лица прочитал с экрана мобильного полуночную эсэмэску:

– Общий сбор ровно в девять ноль-ноль, и вспомни все, что ты знаешь про...
– Про... про... Прошу не называть имен! – задыхаясь от бега, перебил его Афанасий. – Нас нанимают в частном порядке, официально мы работаем на господина помощника.
– Господина помощника – кого? – уточнила Даша.
– Кого, кого... Всем известного героя с фамилией, которая не произносится!
– На Бога, что ли?! – изумился обалдевший от недосыпа и внезапно распахнувшейся перспективы Викентий.

Он работал всю ночь, уснул под утро и еще не ознакомился с мобилизующей и направляющей СМС.

– Почему – на Бога? – Афоня тоже слегка обалдел.
– Потому что это у него есть имя, которое не произносят, – объяснил Викентий. – Оно так и называется: Непроизносимое Имя Господа!
– Нет!

Афанасий шепотком на ушко озвучил Викентию небожественное имя, добежал до своего места во главе стола, плюхнулся на стул и вытер вспотевший лоб платочком:

– Ф-у-у-у...
– Поосторожнее в выражениях! – сухо сказал Викентий. – «Фу» про такого господина говорить опасно для жизни!

– Вот как раз с этим все в полном порядке, – поспешил заверить его Афанасий. – Господин помощник нашего общего господина, имя которого мы, на всякий случай, лишний раз не будем озвучивать, заверил меня, что безопасность нам гарантирована. Обеспечивать безопасность – это они очень хорошо умеют.

– А что они умеют плохо? – спросила дотошная Даша.
– То, что хорошо умеем мы!
Афанасий гордо оглядел своих бойцов.
– Навыки коррекции маникюра – не в счет! – тут же съязвил вредный Пумба.
Секретарша насупилась.

– Ребята! – проникновенно сказал Журавлев. – Не собачьтесь, пожалуйста! Нам предложили участвовать в уникальном проекте!

– Это выборы, что ли, уникальный проект? – фыркнул вредный и аполитичный Пумба. – Да плевал я на них с высокой горки!

– Ну, это как посмотреть! – возразил Афоня.
А воображение все же успело нарисовать ему лирический пейзажик: «Плевок на выборы с высокой горки».

– Собственно, к организации выборов мы прямого отношения не имеем, – сказал Афанасий и тряхнул головой, чтобы выбросить из нее воображаемые урны для голосования, сгрудившиеся на цветочной полянке, как пчелиные ульи. – Наша задача – придумывать необыкновенные и удивительные проекты, мероприятия и ситуации, в которых будут проявляться лучшие качества того... чье имя мы сейчас не называем.

– А у него все качества – самые лучшие! – запальчиво сказала секретарша Эмма. – Да, я так думаю! Что это вы на меня так смотрите? Да, он мне нравится!

– Как мы смотрим? – слегка пристыженно пробормотал Журавлев.
– Вы просто не понимаете! – вскричала тем временем простодушная секретарша. – Он такой... Такой... Та-а-акой!

Она сложила наманикюренные ручки перед пышной грудью и закатила глаза к потолку.
– Какой? – ревниво спросил Пумба.
– Великий! – выдохнула Эмма.
– Да он маленький! Он коротышка, ниже Ван Дамма! Он мне по плечо!
– Наполеон тоже был маленький, но при этом Великий!

– Так то Наполеон, а это...

– А это не Наполеон! – рявкнул Афоня, конспиративно перекрывая голоса спорящих. – Ну и что? Мы открыты для сотрудничества! Мы и Наполеона готовы пиарить, и Ван Дамма, и вообще всех коротышек!

– С Незнайкой во главе, – зачем-то добавила Даша.

– Господа и дамы! – брюзгливо дергая носом, воззвал к присутствующим Викентий. – Теперь, когда вы все засветили своих тайных кумиров, не можем ли мы поговорить о деле? Скажи-ка, Афоня, а почему большая честь пиарить великого коротышку выпала именно нам?

– Потому, что мы – креативные, независимые и местные, то есть хорошо знаем наш прекрасный южный регион со всеми его уникальными особенностями, – без запинки отбарабанил Афанасий. – К примеру, в Заполярье нашего клиента совсем другие люди пиарят. Те, которые на «ты» с белыми медведями, китами и дохлыми мамонтами, теоретически поддающимися клонированию.

– Клонированные дохлые мамонты – это круто, – сказал впечатлительный Пумба.

Неугомонное воображение Санчо нарисовало стадо лохматых зомби с хоботами.

– А мы с кем на «ты»? – спросила въедливая Даша.

Она любила конкретно поставленные задачи.

– Ну, я не знаю! – разозлился ее начальник. – Надо подумать, с кем мы на «ты»! Кто тут вообще был, есть и будет, в нашем прекрасном южном регионе? Вик, ты покопайся в истории. Даша, на тебе – флора и фауна! Эмма, ты сделаешь мониторинг сообщений о нашем клиенте в региональных СМИ. А ты, Оскар...

Санчо посмотрел на Пумбу и покачал головой:

– А ты пока свободен, – сказал он, перебив шефа.

– Почему это я свободен? – неожиданно обиделся тот. – Я, может, лучше всех сегодня подготовился! У меня, знаете, что есть? – Он вытащил из-под стола книгу в ярком переплете: – Вот!

– Вау! – искренне восхитилась Эмма.

Хотя книжка называлась вовсе не «Вау».

Книжка называлась просто и без претензий: «Супермужик».

Непосредственно под названием разместились выразительный императив: «Вали их безжалостно!» и художественное изображение человека, пиарить которого уже не было нужды, потому что его знал весь мир.

Супермужик в плаще, как у Бэтмена, стоял на покатой крыше с красивым видом на башни Кремля, но смотрел не на рубиновые звезды, а на потенциального читателя, как бы давая ему понять, что вот эту самую книжку, хоть кровь из носу, но надо купить, обязательно!

По блестящей ламинированной обложке широко расплзлись красно-черные разводы на редкость зловещего заката – не иначе «пейзаж» Судного дня. Но как-то сразу чувствовалось, что Супермужик всех, кого надо, спасет и своих в беде не бросит. В связи с чем решительно не хотелось оказаться в лагере чужих, которых, видимо, и велено было безжалостно валить. Пяткой в глаз и всеми другими способами.

Проняло даже аполитичного Викентия.

– Дай почитать! – попросил он, окончательно определившись с лагерем: в «свои», конечно же, только в «свои»!

Но воодушевленный Санчо поднял книжку, как икону:

– Видите? Вот как люди работают! Вот чего ждут и от нас с вами! Все все поняли? Берем за образец. Вперед! За дело! За Родину, за нашего собственного Супермужика!

– Наш-то пока еще не супер, – справедливости ради уточнила Даша. – Наш пока просто большой Босс.

– Мегабосс! – предложил Пумба.

– А Мегабосс – это разве не круче, чем Супермужик? – спросила въедливая Даша.

– Нет, Супермужик круче, – подумав, ответил Викентий. – Супермужик – это сильная личность, а Мегабосс – пока просто сила.

Сотрудники, в меру присущего каждому таланта изображая острый приступ вдохновения, удалились.

Отнюдь не обманутый этой демонстрацией трудового энтузиазма, Афоня отшвырнул в сторону эту книжку и потянулся за другой – записной.

Ему было ясно, что гвардию бойцов рекламного фронта в связи с новыми боевыми задачами не помешает усилить и пополнить ее состав.

К сожалению, полного счастья в жизни не бывает.

Полными бывают идиоты, карманы, ведра, бедра и еще задница – не как часть тела, а как событие. А полная задница – это жизнь, чрезмерно богатая событиями.

Моя, например!

Скандал разразился на следующий день после закрытия конференции, за работу на которой я получила от начальства письменную благодарность. А вот за благородный поступок – предоставление бесплатного ночлега заплутавшему московскому журналисту – я схлопотала устный выговор в непечатной форме.

На мое несчастье, столичный гость оказался, во-первых, супругом родной дочери генерального директора популярного телеканала, а во-вторых – полным идиотом.

Или наоборот – сначала идиотом, а потом супругом?

Так или иначе, он не сумел утаить от законной половинки свои сочинские приключения, за что по полной программе огребли все их участники: и сам гуляка, и его проштрафившаяся коллега-дуэнья, и я, несчастная.

– Я, конечно, все понимаю! – ероша редкую поросль вокруг блестящей лысины, сказал мне мой начальник. – Море, Сочи, темные ночи... Знаем, плавали! Но ты же думай, с кем связываешься! Связаться с таким мужем такой дочери такого отца – это значит послать свою карьеру напрямиком к такой-то матери!

– Да ладно? – усомнилась я.

Серьезность ситуации доходила до меня как-то замедленно.

– Короче, пиши заявление, – вздохнув, велел начальник. – На твое усмотрение: либо сразу на увольнение по собственному, либо – для начала – на продолжительный отдых. У тебя за пять лет на полгода неизрасходованных отпусков накопилось.

– Как вариант, могу уйти в декретный, – сердито предложила я, шеф схватился за сердце и вновь взволнованно залопотал про таких мужей, таких детей и такую-то мать. – Да шучу я, шучу!

И я написала заявление на отпуск.

– Сиди тихо и не высывайся! – собственноручно отслюнявив мне положенные отпускные, сказал начальник. – Через полгода об этой скверной истории все забудут, потому что непременно произойдет что-нибудь еще более скверное.

– Что такое оптимизм, каждый понимает по-своему, – сказала на это я и ушла в свой внезапный отпуск, как Му-Му на дно.

Это случилось в тяжелый день – понедельник.

Утро вторника я провела на диване, слушая краем уха телевизор, пораженчески бубнивший про грядущий конец света, и составляя список потенциально подходящих мне мест работы. В отредактированной версии он оказался огорчительно коротким, так как было ясно: ни одно СМИ, дорожащее добрыми отношениями с властями, не возьмет на работу такой подрывной элемент, каким только что проявила себя я. Я все-таки отправила свое блестящее резюме в ряд изданий, но на моментальный заинтересованный отклик отнюдь не рассчитывала.

Пожалуй, придется мне посидеть без работы какое-то время!

– Сдохнуть можно! – прокомментировала эту перспективу моя энергичная Тяпа.

Этим она всего лишь хотела сказать, что безделье несовместимо с моей активной натурой, но пугливая Нюня поняла ее по-своему и тут же заговорила об угрозе голодной смерти. Я послушно вообразила себе ужасы затяжной безработицы и конец света для меня лично и с целью экономии решила заранее перейти на дешевые подножные корма.

Продолжая валяться на диване, я попеременно грызла ногти и морковку...

И тут мне позвонил сам Афанасий Журавлев!

Было время, когда его звонки вовсе не представлялись мне чем-то исключительным. Тесное общение с Афоней, который еще не стал рекламной мегазвездой, было для меня нормой жизни. Мы постоянно встречались, перезванивались, да что там – мы регулярно спали в одной постели! Потом я поняла, что Афанасий Журавлев, при всех его достоинствах, герой не моего романа, и наша связь оборвалась.

Встречались мы редко и только по делу, молчаливый уговор не ворошить прошлое соблюдали неукоснительно. У меня имелось подозрение, что Афанасий все еще склонен считать меня идеалом любимой женщины, но я ничего не предпринимала для того, чтобы окончательно развеять это заблуждение, поскольку Афоня и так уже оставил меня в покое.

И вот – пожалуйста, звоночек из прошлого!

Я насторожилась, но Афанасий вел себя похвально корректно и исключительно деловито. Он вежливо поинтересовался моими делами и, узнав, насколько они безрадостны, тут же предложил мне для разнообразия поработать немножко не с кретинами всякими, а с нормальным руководителем.

– А где он, нормальный? – грустно спросила я.

– Где, где... – неопределенно отозвался мой друг и благородно удержался от рифмы.

Затем он горделиво объяснил, что приглашает меня в свою собственную команду.

– Ха! – сказала я, выразив таким образом свое отношение к предполагаемой нормальности его руководства.

– Что – ха? – Друг и возможный работодатель слегка обиделся. – Разве мы с тобой плохо трудились вместе? Вспомни, как адски весело было делать ролик для «Пилигрима»!

– Я не забыла то адское веселье, – призналась я и потеряла веко.

После работы над рекламным роликом для турбюро «Пилигрима» у меня долго дергался глаз.

Да что глаз – я вся тогда дергалась, как припадочная!

По задумке заказчика, в рекламе надо было снять такую же дружную зоотусовку, как в знаменитом детском стихотворении: «Тра-та, та, тра-та-та, мы возьем с собой кота, чижики, собаку, Петьку-забияку, обезьянку, попугая – вот компания какая!»

Поначалу клиент категорически настаивал на обязательном присутствии в кадре всех упомянутых персонажей, и это было полное тра-та-та, поскольку каждой твари полагалась роль со словами.

Разговорчивого попугая мы нашли без труда, чижики тоже чирикал, как заведенный, но единственный в мире говорящий кот был описан лично Пушкиным А.С. и, очевидно, сдох еще во времена махрового царизма.

С большим трудом убедив в этом нашего заказчика, мы уговорили его максимально сократить монолог кота до нескольких мявов, которые впоследствии путем виртуозной переозвучки должны были превратиться в бодрое скандирование текста песенки.

Потом была фотосессия с дюжиной нервных котов и собак, после которой в студии пришлось срочно заменить ковровое покрытие.

Потом клиент в принципе одобрил на собачью роль второго плана дога-далматинца, попросив от нас лишь самую малость: изменить конфигурацию и расположение черных пятен на белой шкуре.

Новый рисунок согласовали за неделю и нанесли на шкуру пса по трафарету за полдня.

Укушенный песичкой стилист потребовал двойной оплаты.

Новое ковровое покрытие пришлось подвергнуть срочной химической чистке.

На доске для дартса в курилке впервые появилось фотографическое изображение нашего заказчика. С этого момента на подоконнике рядом с набором дротиков всегда лежала стопка его фотографий, и они расходовались быстрее, чем туалетная бумага.

Потом наш дорогой клиент выбрал действительно роскошного перса, который оказался на редкость упертой скотиной, убежденной, будто краткость – это единственно возможная сестра таланта. Или же у него было гипертрофированное чувство собственного достоинства?

Кот наотрез отказывался издавать больше трех мявов подряд, а из трех слогов у озверевшего к тому времени сценариста получалось сложить только емкий императив: «И-ди-нах!» Клиенту же хотелось чего-то другого, поскольку указанный маршрут в списке предложений турбюро не фигурировал.

– Что, вообще-то говоря, очень странно, – сказал тогда Афанасий, – это ведь такое популярное направление!

А сценарист доверительно признался, что очень хочет уволиться. Или хотя бы повеситься.

Это навело нас на мысль, оказавшуюся почти гениальной.

С петельками из рыболовной лески на нижних зубах важный перс клацал челюстями, как железнодорожный компостер!

К сожалению, выражение кошачьей морды при этом было далеко не самым добродушным. Забракованное «И-ди-нах!» подошло бы ему гораздо больше, чем согласованная с клиентом фраза о прелестях отдыха на Мальдивах.

Увы нам, заказчик это заметил – не потому, что отличался повышенной зоркостью или особой тонкостью восприятия. Просто кошачью морду пришлось снимать самым крупным планом, иначе видны были испарянные руки осветителя, временно назначенного кукловодом.

Заметив это досадное несоответствие, капризный заказчик потребовал заменить и осветителя, и кота.

Мы бы предпочли заменить заказчика, но он уже успел купить себе статус священной коровы, перечислив нам пятидесятипроцентную предоплату.

Лично мне из этих денег причиталась тысяча долларов.

– Думай о них, – посоветовал мне Афоня, пока я запивала все невысказанное коньяком. – Не о нем, а о них!

С этого момента, глядя на ненавистного заказчика, я воображала себе простенький веер из стодолларовых купюр и, поддакивая клиенту, мысленно разворачивала каждое вырванное у меня согласие в длинный постулат: «Да, моя штука баксов, конечно, моя штука баксов, будет исполнено, моя дорогая штука американских баксов!»

Этот прием удержал меня в относительно здравом уме даже в тот безусловно критический момент, когда заказчик заартачился и не пожелал принять уже готовый ролик из-за того, что артикуляция идеально покрашенной собаки не вполне совпала с человеческим голосом за кадром.

Мы не стали вновь мучать собаку, но истерзали дублями диктора, который тоже захотел получить двойную оплату или хотя бы повеситься.

К этому моменту суицид – как альтернативу общению с нашим заказчиком – всерьез рассматривали почти все участники процесса, за исключением дрессированной обезьяны, кото-

рую в цирке приучили работать в одной команде с крокодилом, тигром и скунсом. По-моему, наш заказчик воплощал их всех в одном лице.

Знаете, что всего труднее выдержать профессиональному творцу рекламы?

Не заскоки клиентов, нет. Их глубокую и непоколебимую уверенность в том, что они лучше вас знают, как надо делать ролики!

И что удивительно: это те же самые люди, которые не рискуют давать советы своим дантистам!

Я не была уверена, что хочу вернуться в многотрудный рекламный бизнес.

– Это будет временная работа, только до выборов, – оборвал мои горькие мысли Афанасий. – И я могу платить тебе по две тысячи в месяц. Ну, ты согласна? Две тысячи евро!

Мои мысли стали заметно слаще.

– Да, мои две штуки евро! – стремительно добрея, ответила я. – Конечно, мои две штуки евро! А что за работа-то?

– Язва, – беззлобно обругал меня друг и начальник. – Лети к нам в офис, это не телефонный разговор.

– Слушаю и повинуюсь, мои две штуки евро!

«Как вы яхту назовете, так она и поплывет!» – вполне резонно утверждал мультяшный капитан Врунгель.

Две тысячи евро в месяц меня устраивали. Ненадолго, конечно, не до самого выхода на пенсию по инвалидности! Я прекрасно понимала, что нервная работа в рекламном агентстве очень скоро вновь доведет меня до суицидального настроения, и не собиралась задерживаться у Журавлева дольше, чем на пару месяцев. Опять же не хотелось обнадеживать Афонию, который мог расценить мое согласие поработать с ним плечом к плечу как готовность к более тесным телесным контактам.

Широким жестом отбросив в сторону недоеденную морковку, я покинула диван и переключила внимание на платяной шкаф.

Строгие офисные костюмчики и платьица на сей раз не удостоились моего внимания. В рекламном бизнесе свой дресс-код! В дальнем углу нижней полки я отыскала старые джинсы с прорехами и дополнила их кумачовым шелковым топом из новой коллекции вечерних нарядов. Зеленые парусиновые тапочки, нефритовый кулон на медной цепи, способной согнуть шею матерого бульдога, браслеты с кораллами и бирюзой и художественно небрежная прическа в виде узла, скрепленного двумя китайскими палочками для еды, завершили мой новый образ.

Теперь каждому за версту было видно, что я – на редкость яркая креативная личность! И на себя позавчерашнюю – чопорную бизнес-леди – я сегодняшняя не походила нисколько.

Тем более удивительным показалось мне заявление Журавлева.

– Мы с тобой очень похожи, Танюха, почти близнецы! – с чувством сказал он, разливая по рюмкам коньяк.

Я покосилась на зеркальное стекло дверцы бара и заломила бровь.

Синеокий брюнет Афанасий выше меня на голову, которая у него украшена пружинистыми кудрями, тогда как у меня глаза цвета хаки и гладкие русые волосы длиной чуть ниже плеч. Я уже не говорю о наших фигурах, каждая из которых по-своему замечательна, но при этом у меня «90-70-90», а у Журавлева примерно «120-80-80»!

Так что назвать нас близнецами мог бы только человек с огромной фантазией и крайне слабым зрением.

Например, слепой Гомер.

Однако Афоня, как выяснилось, имел в виду вовсе не внешность.

– И ты, и я – мы оба дико талантливы, импульсивны и независимы, – щедро похвалил он нас обоих. – Но я, став начальником преуспевающего агентства, сделался немного опасливым

и теперь боюсь, что похвальная, в общем-то, осторожность не позволит мне раскинуть крылья фантазии максимально широко.

– Ага, – я одновременно приняла коньяк и уловила мысль. – Значит, ты хочешь немного полетать на крыльях моей фантазии?

– Точно, – Афоня поднял рюмку. – Ты будешь нашими крыльями, а я – нашим парашютом!

Я представила себе крылатого коня Пегаса, навьюченного запасками, и услышала, как моя Тяпа с подозрением интересуется:

– А не будет ли при этом кто-нибудь огорчительно приземленный лупить по нам из зениток?

– Не волнуйся, нас прикроют! – ответил Афанасий и вкратце пересказал мне свою беседу с Иваном Ивановичем.

– Однако! – уважительно сказала я.

– А то! – горделиво сказал Афоня.

Я побарабанила ногтями по подлокотнику кресла:

– Наша только идея, или и воплощение тоже?

Я ведь, если дать мне волю, могу придумать такое, что затруднится исполнить сам Господь Бог с его неограниченными возможностями!

– С нас сначала идея, потом, если понравится, детальная концепция, а вот воплощать ее будут специально обученные и проверенные люди, – порадовал меня Афоня.

Тогда я кивнула и сказала:

– Ладно, договорились!

– Согласна? Надо же! Наконец-то ты сказала мне «да»! – восхитился Афоня.

– Я приняла твоё предложение о взаимовыгодном сотрудничестве, – уточнила я, чтобы бывший возлюбленный не подумал чего другого.

– Я целиком и полностью за взаимность! – заявил Афоня и глубоко запустил руку в брючный карман.

Мне не понравился этот жест – я бы предпочла, чтобы наши отношения не опускались ниже пояса, но Афанасий всего лишь извлек из кармана флешку.

– Вот! – торжественно сказал он, вручив ее мне. – Прими этот скромный знак внимания и искреннего расположения.

Я подняла брови.

С одной стороны, принимать от Журавлева какие бы то ни было знаки, кроме денежных, я не планировала. С другой – мне случалось получать гораздо более нескромные и неуместные подарки, чем вполне себе симпатичная флешка на тридцать два гигабайта!

– В самом деле, это же не кольцо с бриллиантом, а полезный гаджет, – успокоил меня Афоня. – Можешь считать, что заботливый работодатель просто вооружил тебя еще одним орудием производства.

– Ну, спасибо, – я пожала плечами и сунула миниатюрное орудие в сумку.

Афанасий загадочно улыбнулся.

Вид у него был чрезвычайно довольный.

Я подумала, что если он не рассчитывает, что я буду делать ему что-либо приятное в более широком диапазоне, то пусть себе радуется. В конце концов, флешка мне всегда пригодится.

Я поставила на стол пустую рюмку, поднялась и попрощалась.

– До завтра! – все еще улыбаясь, кивнул Афанасий.

Мы оба понимали, что нам, рожденным летать, целые сутки – вполне достаточный срок для полномасштабного разворота крыльев фантазии.

Афоня-Мои-Две-Тыщи-Евро был вовсе не скуп. Тому, кто первым выдаст на-гора стоящую идею, он обещал большую премию, но люди старались не ради денег.

«Фигню Продакшн» распирает энтузиазм.

Всем хотелось вновь испытать восхитительное чувство профессиональной гордости, подзахиревшее на безалкогольной водичке и вегетарианских кормах Копылова и его «др.».

– Кто первый? Заходи! – весело крикнул Афоня в сторону своей приемной.

– Кто хочет на Колыму? Заходи по одному! – процитировала моя начитанная Нюня.

– Тьфу на тебя! Сглазишь еще! – отмахнулась от нее Тяпа.

За приоткрытой дверью мажорно гудели голоса, в щелочке поблескивал чей-то глаз.

– Я! Я первый!

В кабинет, где за длинным столом на манер маленькой, но суровой экзаменационной комиссии устроились я и Афоня, ворвался раскрасневшийся Оскар Пуммер.

Он, не оборачиваясь назад, брыкнул ногой – в приемной охнули – и шумно захлопнул за собой дверь.

– Рассказывай, – велел Афанасий, жестом пригласив сопевшего Пумбу присесть. – Что у тебя?

– Конец света!

– Персональный? – заинтересовался Афоня.

– Почему персональный? Всеобщий! Это же информационный повод планетарного масштаба, разве нет?

– Разве да, – согласился Афоня. – Вот только на планетарный уровень замахиваться нас не просили. Ты не понял вводную? Только региональные мероприятия, только юг России!

– Ага, – Оскар потер лоб, очевидно, прикидывая, нельзя ли организовать конец света в отдельно взятом регионе и будет ли это хорошим информационным поводом?

– Вот такие горе-деятели и потопили Атлантиду! – тихо сказала я Афоне.

– Тогда предлагаю устроить осенний праздник: закрытие купального сезона на курортах Черноморского побережья Краснодарского края! – сказал Пумба.

Афоня без энтузиазма шевельнул бровями.

Я тоскливо зевнула в ладошку.

– Да вы только представьте!.. – Пумба сам заволновался, как осеннее море. – Бархатный сезон, длинная белая набережная, большое красное солнце медленно тонет в воде. Счастливые нарядные люди фотографируются на фоне заката...

– Закат – редкое природное явление в наших широтах, – вежливо согласился Афоня и потянулся за кофе.

– Это пр-р-ролог! – рыкнул Пумба и взъерошил головную шерсть. – «Блям, блям!» – мелодично бьют склянки в порту. Это сигнал! Со стороны моря доносится дивная музыка...

– Это вступает хор русалок? – предположила я.

– Нет! Это всплывает из морских глубин роскошный рояль!

Афоня слабо поперхнулся. Глаза его поверх края кофейной чашки прищурились.

– Рояль большой, блестящий, белый! – с воодушевлением продолжил Оскар. – На нем в эффектной позе полулежит роскошная красавица в красном платье!

– Утопленница? – сдержанно поинтересовался Афанасий, отставляя чашку.

– Зачем сразу утопленница? Живая! И вот с таким декольте!

Оскар размашисто начертил на своем торсе равнобедренный треугольник с вершиной в районе пряжки брючного ремня.

– Она обольстительно улыбается и волшебным образом поет.

– Анну Нетребку пригласим. – Афанасий придвинул к себе блокнот.

– А за роялем – Он! – не сбился с мысли Пумба. – Наш клиент!

– Наш клиент может играть на рояле? – удивилась я.

– Наш клиент может все, – уверенно сказал Афанасий, черкая в блокноте. – Во всяком случае, я предлагаю исходить именно из этого соображения. Так будет лучше для всех.

– Кроме девушки в красном, пожалуй, – заметила я. – Скажите, а как долго предполагается держать ее под водой до момента эффектного всплытия белого рояля?

– Хм... Понадобятся акваланги, – деловитый Афоня снова черкнул ручкой.

– Лучше аквалангист, – я невольно поддаюсь порыву энтузиазма. – Он будет держать кислородную маску на лице главного героя, пока рояль не всплывет.

– Нетребко мы тоже дадим аквалангиста с маской? – Афоня застрочил в блокноте.

– Да, если бюджет позволит, – сказал Пумба. – А если не позволит, она и сама справится. У оперной певицы легкие ого-го какие, что ей стоит задержать дыхание на несколько минут?

– Рояль на понтоне установим, – понесся дальше вдохновленный Афанасий. – С якоря снимем – он и всплывет. Дальше давайте! К берегу его как волочь?

– К берегу его доставит квадрига дельфинов! – азартно предложил Пумба. – Дрессированных, из дельфинария! Они помчат понтон, рояль, певицу и нашего клиента в вихре радужных брызг, под музыку и восторженные крики толпы!

– Музыка и восторженные крики в записи пойдут, а брызги подкрасим, надо на светотехнику бюджет заложить, – кивнул Афоня.

– Можно еще добавить фонтаны по обе стороны дельфиной трассы и салют в небе, – предложила я.

– Салют чуть позже! – возразил Пумба. – У меня салют запланирован на финал, когда наш клиент и девица-певица ступят на берег!

– О да! – согласился Афоня.

Он прижмурился и затих, воображая себе финал.

– М-да, – промолвила я, тоже мысленно поглазев на это шоу. – А что будет дальше?

– Да какая разница? – отмахнулся Пумба. – Тут главное – незабываемый выход суперзвезды, а дальше пусть кто попроще работает, это уже не наша забота.

– ОК, твоя идея ясна, молодец! – Афанасий очнулся, хлопнул Пумбу по плечу и громко позвал: – Следующий!

И творческий процесс пошел-поехал.

К концу рабочей недели мы общими усилиями сформировали список эффектных мероприятий, которые можно было бы организовать в нашем южном регионе. Все они в полной мере соответствовали основному требованию – Афоня лаконично его сформулировал и озвучил с характерным кубанским прононсом, с мягким «гэ»:

– Щоб по-богатому!

Мы сочиняли акции – одна чудесатее другой. Громкие, чтобы пресса могла пошуметь, а вольные хлебопашцы в соцсетях – и повизжать; яркие до китча, до откровенного дурновкусия: хвалебно-сладкие, приторные до тошноты.

– Это же просто ужас что такое! – с откровенным удовольствием комментировал промежуточные результаты наших трудов Афанасий.

Нам вовсе не было стыдно, поскольку мы не просто так валяли дурака. Мы сохраняли в незамутненной чистоте оригинальный стиль, заданный нам шефом!

Помимо шоу с роялем, придуманного Оскаром, в список лучших, по мнению Афанасия, идей вошел торжественный выпуск на волю пары кобр, чьи родители когда-то обитали на Кавказе, но со временем были полностью истреблены. Превосходному экземпляру пресмыкающегося надлежало вернуться на землю предков непосредственно из рук нашего VIP-клиента.

– Кобры чертовски телегеничны, – сказал Афоня. – И вообще, это логично продолжает благородную и героическую историю с восстановлением популяции кавказских леопардов!

Акцию с телегеничными кобрами придумал он сам, а я предложила организовать пробег на верблюдах по причерноморскому отрезку Великого Шелкового пути. В ходе верблюдопробега наш клиент мог бы показать, что у него имеются незаурядные способности по управлению как суперсовременными, так и весьма далекими от совершенства транспортными средствами!

Оформив весь наш бурный креатив в довольно стройную концепцию, Афанасий отбыл на конспиративную встречу с Иваном Ивановичем.

Был вечер пятницы.

Удрав из офиса через час после отъезда шефа, я предвкушала тихие радости наступающих выходных. Корзинка малины, бутылка вина и телятина, приготовленная на гриле, составили мой скромный ужин, а из нескромных развлечений я планировала одинокий поход в ночной клуб. Дальнейшая программа должна была сформироваться спонтанно, я не собиралась как-либо ограничивать фантазию судьбы и отвергать ее подарки.

Увы нам: Фортуна в этот день была сильно не в духе и раздавала исключительно разящие удары и мобилизующие пинки.

Предзакатное солнце било в спину, а ветер дул в лицо – жизнь была гармонична и прекрасна!

Афанасий Журавлев иронично покосился на барышню, которая тоже была вполне хороша.

Четкий профиль, как будто вырезанный из белоснежной, плотной и мягкой бумаги для акварели. Длинные ресницы опущены, грудь приподнята, пухлые губы сложены в загадочную полуулыбку. Кудрявые волосы спрятаны под шарфик с длинным, как у кометы, газовым хвостом... Кем, интересно, она себя воображает? Звездой немого кино?

Звезда в авто была только одна – Афанасий Гонсалес Журавлев!

Афоня усмехнулся и бросил машину в открывшийся проем на соседней полосе.

Роскошный, сверкающий лаком кабриолет скользил по многорядному шоссе, как дождевая капля по оконному стеклу. Стремительно и волнообразно, почти по идеальной синусоиде. У Афанасия была божественная машина, и он вел ее, как бог. Да он и чувствовал себя богом! И богом, и звездой, и гением... И даже в полном наборе все эти слова немного не дотягивали до уровня его самооценки.

– И кто же она тебе? – не открывая глаз, спросила вдруг барышня.

Тон у нее был недовольный, губы капризно скривились.

– Она-то?

Афанасий подарил улыбку счастливого собственника девушке на экране навигатора, оригинально работавшего в режиме фоторамки.

Девичье лицо на экране таяло и плавилось: фас, три четверти, профиль, снова три четверти... В этом была вполне убедительная иллюзия жизни.

Девушка на фото была не столько красива, сколько мила. Смотреть на нее было очень приятно. Правильные черты и спокойное выражение лица радовали глаз, но не вызвали той мучительной жажды обладания, которая возникает при созерцании красоток на разворотах «Плейбоя».

– Знакомое лицо. Так кто она? Твоя подружка? – насупившаяся барышня продолжала настаивать на ответе.

– Подружка? Нет!

Афанасий смешливо фыркнул и энергично помотал головой, разметаив по плечам блестящие антрацитовые кудри. Встречный ветер тут же снова собрал их в охапку и аккуратно уложил параллельно летевшим по небу перьям облаков.

Этим прекрасным летним вечером Афанасий Журавлев выглядел поистине божественно. Ибо только настоящий бог, великолепно безразличный к мнению смертных, мог позволить себе

раскатывать на красном кабриолете в драных джинсах и поплиновой рубашке в зеленый горох! В низко расстегнутом вороте сверкала золотая цепь, среди кожаных и бисерных браслетов на запястье затерялись платиновые часы.

Афанасий Гонсалес Журавлев никогда не боялся смешивать стили и амплуа.

– Можно сказать, что она моя родственница, – смеясь над глупой барышней и радуясь своему могуществу, ответил Афанасий. – Скажем, прабабушка или вроде того.

– Понятно, – откровенно-недоверчиво сказала барышня и вновь замерла, как изображение кинозвезды в стоп-кадре.

Афанасий посмотрел в зеркальце заднего вида и пришпорил машину. Какой-то заводной дурачок на «Тойоте» уже несколько минут тщился обойти великолепный автомобиль великолепного Гонсалеса Журавлева.

– Очередной ревнивый мачо, – насмешливо пробормотал Афанасий и потянулся за мобильником, который как раз разразился призывными звуками африканского тамтама.

Богоравный Афанасий Журавлев одним своим видом вызывал сладкое томление и мазохистские позы к немедленной капитуляции у женщин и завистливую ревность у мужчин. Даже те, кто еще не знал, что Афанасий – бог, звезда и гений, безошибочно понимали, что он – альфа-самец. Наиболее самолюбивых представителей мужеска пола это понимание немедленно провоцировало на единоборство, в диапазоне от банального мордобоя до бескровной битвы интеллектов.

– Афанасий?

Знакомый голос в трубке, как обычно, выговорил его русское имя аккуратно и опасливо, словно предполагая, что это трудное слово может оказаться грязным ругательством.

– Да, это я, привет, – улыбочиво согласился Журавлев, сразу же перейдя на английский.

– Здравствуйте, это я.

– Капитан Немо, он же Мистер Икс! – радостно подхватил довольный жизнью Афанасий.

Незатейливая попытка заказчика сохранить инкогнито его искренне забавляла. При желании гениальный Афоня мог выяснить личность собеседника без особого труда, но зачем? Он принял предложенные правила, потому что игра была интересной, а приз – достойным. И ему уже заплатили очень приличный аванс.

– Мы получили ваши файлы, – сообщил Мистер Икс. – Спасибо и поздравляю, это прекрасная работа. Но вы уверены? Это она?

– Я уверен! – крикнул Афанасий.

Он еще раз улыбнулся девушке на фото, а затем комично скривился, адресовав гримасу водителю той самой японской машины.

«Очередной ревнивый мачо» на потрепанной «Тойоте» ухитрился поравняться с Афанасием на его шикарном кабриолете.

– Хотя гарантии, как говорится, дает только Господь Бог! – добавил Афоня в трубочку.

В контексте сложившейся ситуации это была остроумная шутка.

– Секундочку, простите, у меня параллельный звонок, – извинился очень вежливый и столь же скучный Мистер Икс.

– Да нет проблем, – пробормотал добродушный бог, звезда и гений, с насмешливым интересом посмотрев на ревнивого мачо в «Тойоте».

Забавно, но этот парень тоже говорил по мобильному, так что списать его успех автогонщика на то, что Афанасий отвлекся на телефонную беседу, было невозможно.

– Ладно, ладно, парень, ты тоже крут! – проорал ему слегка – самую-самую малость – уязвленный альфа-самец.

Продолжать соревнование на дороге он не собирался. Афанасию Журавлеву давно уже не нужно было доказывать свою крутизну.

– Большое спасибо, Афанасий, было очень приятно с вами работать, – сказал вернувшийся к разговору Мистер Икс. – Мы немедленно переводим на ваш счет оставшийся гонорар.

– Отлично! – одобрил его Афанасий и чуть притормозил, пропуская вперед опасно настойчивую «Тойоту».

Да пусть его едет, амбициозный придурок!

Тут придурок обернулся и адресовал Афоне зверскую гримасу.

– Прощайте, Афанасий. Мир вам! – с комической торжественностью изрек Мистер Икс.

Богоравный Афанасий Журавлев и так знал, что весь мир принадлежит ему, и принял пафосное пожелание как должное. Он только не понял, отчего это идущая впереди «Тойота» внезапно вздыбилась и на секунду зависла над дорогой, как не до конца опущенная печная заслонка, и при этом стала заметно короче, сделавшись похожей на корыто, и еще – как будто размазалась?

Роскошный красный кабриолет со всей своей хваленой мощью ударил в крышу японской машины – горящей, разваливающейся, с развороченной взрывом мордой. Еще секунду спустя автомобиль Афанасия настиг сильный удар сзади, и шоссе завывало, застонало, загремело от ударов по нему кусков мятой жести; зазвенело бьющееся стекло...

Афанасий Гонсалес Журавлев не увидел, как правый борт его кабриолета напрочь снес с визгом затормозивший грузовик. Левый бок одним длинным плотным касанием до сверкающей фольги стесал бетонный отбойник.

В тускнеющих глазах гения отразилось голубое джинсовое небо в разновеликих горошинах разлетающихся обломков и белесых, полосатых, как дизайнерские прорехи, пятнах перистых облаков.

Солнце толкало в спину, ветер бил в грудь.

Жизнь была прекрасна.

Жизнь – была...

– Татьяна! Все, кирдык! – отчаянно завопил в телефонную трубку голос, который я не сразу узнала.

Впервые на моей памяти вальяжный Викентий визжал, как стыдливая девица на нудистском пляже.

– Кому кирдык, зачем кирдык, почему кирдык? – заволновалась я, пробиваясь к выходу сквозь толпу бесновавшихся в пляске посетителей ночного клуба.

Первое, что пришло мне в голову: Иван Иванович не принял наше предложение.

Ну и что? Подумаешь! Придумаем что-то другое!

– Афоня погиб! – проорал мне в ухо Викентий, одним этим сообщением вытолкнув из головы все мысли.

– Как – погиб?!

Коротко, емко и с большим количеством ругательств обычно спокойный и ироничный Викентий сообщил мне, как именно погиб наш общий коллега и мой бывший любовник. Шокированная, я улавливала ключевые слова: автомобиль, катастрофа, взрыв...

Что? Какой еще взрыв?!

– Такой-разэтакий! Машину, которая шла перед Афониной, трахтибидохнуло вдребезги! В ней охрененная бомба была! – надрывался матерным криком Викентий.

– Ты думаешь, это случайность? – Я резко остановилась и закачалась на крылечке клуба, стоя на одной ноге.

– Ты что, совсем дура?! – Викентий понизил голос. – Не понимаешь разве, с кем мы связались? Вот же идиоты, нашу мать! Над кем шутить надумали!

– Ты полагаешь, VIP-клиенту не понравилось наше предложение? – осторожно подбирая слова, спросила я.

– Конечно, ему сильно не понравилось! И он выдвинул встречное: ухайдокать нашу команду дебильных затейников к чертовой бабушке! – Викентий истерично взвизгнул и отключился.

– Не может быть, – пробормотала я, машинально продолжая вслушиваться в гудки. – Мы же сделали именно то, о чем нас просили!

– Может! – сурово сказала моя Тяпа.

И тут – с очень большим запозданием – я задумалась:

– А кто нас о пиаре просил? Кто такой этот Иван Иванович? Может, он никакой не Его помощник, а, наоборот, злодей и враг?! И нас подставили!!!

Напуганная Нюня уже билась в конвульсиях.

Тоже слегка вибрируя, я позвонила Оскару, потом Даше, потом Эмме.

Мобильный Пуммера оказался недоступен, а его домашний телефон откликался нервной скороговоркой: «К сожалению, дома меня нет и не будет в ближайшие триста-четыре-пять лет, сообщений не оставляйте, считайте, что я умер!»

Даша трубку взяла, но разговаривать со мной не стала, объяснив, что у подъезда ее ждет такси.

Эмма горько плакала и одновременно чем-то шуршала и стучала.

– Ты собираешь вещи? – догадалась я. – Постой! Что за паника? Ребята, да вы что? Вы в самом деле решили, что нам объявили войну?!

– Войну?! – Эмма нервно засмеялась. – Танечка, это не война, это зачистка!

– Но гибель Афони могла быть случайной!

Мне очень хотелось верить, что это именно так.

– Ладно, я тебе еще кое-что скажу... – Моя собеседница решительно засопела.

Одновременно трубка передала мне мягкий стук, размеренные скрипы и, наконец, – победное клецанье. Даже не видя, что происходит, я поняла, что Эмма сплясала пару па энергичной румбы на крышке туго набитого чемодана и в результате сумела его закрыть.

– Так вот что я хочу тебе сказать, – покончив с упаковкой вещичек, паникерша заговорила чуточку спокойнее. – Полчаса назад я была у Афони дома. Хотела забрать к себе беднягу Пиара, раз уж он остался без хозяина, а мы ведь в ответе за тех, кого подобрали на помойке... Короче говоря, полиция подъехала одновременно со мной, так что получилось удачно, я дала им ключи, и они сами открыли квартиру. Вот только Пиара там уже не было!

– И что?

Я не сумела понять, почему бегство кота должно побудить дезертировать сотрудников фирмы.

– И ноутбука Афониного тоже не было! – сказала Эмма. – Сложи один и один, это же элементарно: кто-то еще раньше успел побывать в квартире шефа, унес его комп и выпустил кота. Последнее, я полагаю, было непреднамеренным действием, Пиар все время рвался гулять, именно поэтому Афоня не только двери, но и окна закрывал. Все-таки тринадцатый этаж.

– То есть, судя по проникновению в квартиру и исчезновению ноутбука («И кота!» – подсказала Тяпа), ты думаешь, что кто-то охотился за информацией, которой располагал Афанасий?

– Или кот, – с нажимом добавила Тяпа.

– Может, и не так, – тут же заспорила Нюня. – Возможно, кто-то стремился не просто получить информацию, но и воспрепятствовать ее дальнейшему распространению! Тогда вполне логично, что сначала Иван Иванович встретился с Афоней и получил от него файлы с нашей концепцией, а потом Афоню взорвали и из его квартиры забрали комп.

Эмма Тяпиных рассуждений не слышала и не стала держать паузу – отключилась.

Я продолжала напряженно размышлять.

Да, если все так, то мало убить одного Афоню: нужно погасить искру коллективного разума «Фигни Продакшн», ибо мы все вместе работали над проектом, а это значит – нам всем оторвут головы. Чтобы, значит, не осталось никаких следов наших крамольных затей...

– Извините, – отчетливо стуча зубами, спросила вдруг Нюня. – Но разве в офисных компьютерах не остались резервные копии?

– Черт!

Я тут же поняла, каким, по логике моего последнего рассуждения, должно быть дальнейшее развитие событий.

Я перерыла всю сумку, пока нашла записную книжку, а в ней – телефончик охранника у входа в офисное здание, где помещалось агентство.

И – опоздала.

– Девушка, не до вас сейчас, не мешайте, у нас на пятом этаже пожар! – рявкнул в трубку охранник, которому я дозвонилась с шестой попытки.

Агентство Журавлева располагалось именно на пятом.

Я уронила трубку и погрузилась в глубины отчаяния.

– Так! Слушаем меня! – первой вынырнула моя решительная Тяпа. – Объявляется срочная эвакуация! Думать и переживать будем после, а сейчас надо делать ноги!

– Может, не надо? – заколебалась я.

Тяпа и Нюня на редкость слаженным дуэтом заорали, что надо, надо, и поскорее!

Трясаясь от страха и мало что соображая, я на такси примчалась домой, переоделась попроще, побросала в сумку вещи, которые в тот момент сочла предметами первой необходимости, и без задержки рванула в аэропорт.

У стойки номер один заканчивалась регистрация на рейс «Турецких авиалиний» Краснодар – Стамбул.

– Прекрасный вариант! – обрадовалась моя Тяпа. – Вроде недалеко, лететь меньше часа, а уже другая страна, притом не очень дорогая. И русских там полно! Затеряешься среди туристов, отсидишься, а заодно и отдохнешь. Отпуск так отпуск!

– Летим, летим! – заблажила Нюня.

Ей было все равно, в каком направлении стартовать, лишь бы поскорее.

Уже на борту, перед тем как отключить телефон, я проверила свою электронную почту и обнаружила в ящике письмо от журнала «Респект».

Оценив мое резюме, редактор предлагал мне сделать пробный материал на выбор: либо рассказ о работе брачного агентства, написанный от имени клиентки, в режиме максимального погружения в материал; либо путевые заметки по мотивам поездки в одну из популярных европейских столиц.

Шенгенская виза у меня была, весной я оформила себе годовую «мульти». А первым, что я увидела в стамбульском аэропорту Сабиha Гекчен, оказался рекламный баннер «В Берлин за 29.99 евро!». Беспрецедентная дешевизна авиабилета моментально решила вопрос с выбором европейской столицы.

– Что ни делается, все к лучшему! – поддержала меня Тяпа. – Авось из этого поспешного бегства еще получится результативная деловая командировка.

В попытке убить двух зайцев за остававшиеся до вылета из Стамбула два часа я разместила свое наскоро состряпанное брачное объявление на восьми специализированных сайтах – про запас, для первого варианта задания, – и упорхнула в Берлин на крыльях «Боинга» и воспрянувшей надежды.

Нельзя сказать, что я не очень люблю Берлин.

Я его просто ненавижу!

Мальчик из Германии, с которым я переписывалась в детстве, сначала присылал мне открытки, заколки и жвачки, а потом променял меня на какую-то москвичку. Таким образом, в Берлине мне в первый раз разбили сердце, и с тех пор, как я считаю, Берлин мне крупно задолжал.

Я без симпатии посмотрела сквозь стекло на неживой символ города – здоровенного скульптурного медведя с лапами, воздетыми над головой таким манером, что в них сама собой просилась штанга. Штанги не было. И мужчины, которого я ждала, тоже не было.

Берлин опять обманул мои ожидания.

Я в очередной раз пригубила давно остывший кофе и вернула чашку на блюдце, предвзвешенно сдернув с него бумажную салфетку. Хотя чем-то себя занять в ожидании исторической встречи.

Ручка у меня, разумеется, была – я журналист или кто?

– Или кто, разумеется! – съехидничал мой внутренний голос.

Я поморщилась: Тяпино замечание было бестактным, но справедливым. Тяпа, она такая: режет правду в глаза.

Называться журналистом я пока не могла. Главный редактор журнала «Респект», с которым я, уже оказавшись в Берлине, пообщалась по телефону, пообещал, что возьмет меня в штат, если я справлюсь с тестовым заданием – напишу содержательную обзорную статью о виртуальных «брачных агентствах». На основании моих изысканий предполагалось составить рейтинг такого рода контор. Главред был уверен, что эта тема весьма актуальна и будет интересна не только робким барышням на выданье, но и взрослым современным людям с нормальными инстинктами и ненормальным режимом работы. Мне самой, например!

Я вновь поморщилась. За два дня я посидела в десятке берлинских интернет-кафе и основательно подковалась в вопросах виртуального сватовства. Однако моя скромница Нюня находила редакционный заказ сомнительным, на самой грани приличия.

Нет, врать не буду, интернет-знакомства – вещь по-своему захватывающая, но мне-то хотелось писать серьезные аналитические материалы – о тенденциях развития мировой экономики, например... А пришлось сочинять «легенды» и заполнять анкеты, чтобы встать в ряды потенциальных невест.

Я несколькими штрихами нарисовала на салфетке изящную женскую головку с наивно распахнутыми глазами и выжидательно приоткрытыми устами.

– Но ведь ты имеешь успех! – с удовольствием напомнила мне Тяпа.

Я кивнула и ловко пририсовала к изящной головке пышную, как растрепанный капустный кочан, кружевную вуаль.

Вообще-то, в Стамбуле у меня был выбор – куда лететь за женским счастьем: в Берлин, в Нью-Йорк или в Анталию. Эти рейсы стартовали почти одновременно. Я предпочла столицу Германии, потому что билеты в Америку обошлись бы мне в копейку, а искать большой и чистой любви на турецких пляжах показалось глупым делом.

Впрочем, битый час сидеть в берлинском кафе в ожидании незнакомца – тоже далеко не самое разумное занятие на свете!

А может, он уже здесь? Тихо вошел, сел в уголке и из-под прикрытия раскидистого фикуса рассматривает меня, прикидывая, достаточно ли я для него хороша?

Я подняла голову, цепким взглядом с прищуром просканировала помещение от того самого укромного угла с фикусом до входной двери и насчитала с полдюжины подозрительных субъектов.

Одинокие, без спутниц, мужчины более или менее брачного возраста – приблизительно от двадцати до семидесяти лет – рассредоточились по просторному залу, как будто нарочно, чтобы затруднить мое наблюдение за ними. Я противопоставила этому хаосу системный подход и в своей обычной манере нарисовала на салфетке шесть портретиков.

Кстати говоря, привычка черкать на салфетках имела и у знаменитого композитора Штрауса – и я предпочитаю думать, что это верный признак гениальности.

– Ля-ля-ля-ля-ля! Ля-ля! Ля-ля! – вспомнив о Штраусе, напела мне мелодию венского вальса интеллигентная Нюня.

Я покрутила в пальцах ручку, еще раз осмотрела мужчин и приписала под каждым портретом цифры: предполагаемый возраст.

М-да... Выбор-то у меня небогатый!

Пожилой седовласый дядюшка в щеголеватом костюме из неотбеленного льна – это раз. Очки в золотой оправе, какой-то желтенький значок на лацкане пиджака. Похож на состоятельного бизнесмена, очень неплохой вариант для бедной невесты из России! Но сидит неподвижно, прикрыв глаза, как будто демонстрируя равнодушие ко всему на свете, включая и меня, такую нарядную и симпатичную... Нет, это точно не мой жених!

Номер два: лысый толстяк с пивным животом и пивной же кружкой в руке. Всецело занят утолением жажды и голода, вынимает физиономию из кружки только для того, чтобы загрузить в рот кусок мяса. Непохоже, чтобы он страдал от отсутствия у него любящей женушки. Значит, не он.

Третий: мужчина лет тридцати пяти – сорока, с приятным открытым лицом, как будто даже знакомым... Нет, я его не знаю. Просто это четкий тип голливудского «хорошего парня»: красиво вылепленное лицо, ясные глаза...

Эй, эй, ты зачем очки надел?!

Все, теперь глаз за темными стеклами не видно...

И вообще, он уже уходит, какая жалость!

Ладно, перейдем к номеру четвертому.

Совсем молодой парнишка, бледнолицый и унылый, как Пьеро, разлученный с Мальвиной. Не думаю, что в этой роли он вообще видит меня, я гожусь ему в очень старшие сестры.

Стало быть, вычеркиваем печального Пьеро из списка подозреваемых.

И пятого тоже вычеркиваем! Просто потому, что он мне не нравится.

Огромный, как медведь, забритый под машинку дядька, с челюстью, похожей на выдвижной ящик комода, и глазами, как у дохлой сельди. Такому никак нельзя жениться, тем более на мне, это может закончиться очень плохо!

А вот шестой...

Да, шестой вполне может оказаться тем самым человеком!

Я присмотрелась повнимательнее.

Возраст – под пятьдесят. Ясно: лично знакомиться с милыми дамами уже разучился, Интернет ему в помощь. Одет как-то... никак, безлико одет, в толпе и не заметишь его. Но вещи все новые, из-под рукава ветровки поблескивают золотые часы, и очки на носу модные и стильные. Определенно, этот господин – не последний бедняк. А вот взгляд у него при этом неуверенный, ищущий и одновременно растерянный, как будто он чего-то ждет и боится. Да уж не меня ли?

Вежливая Нюня сказала, что такую женщину, как я, определенно стоит ждать.

– Да и бояться не помешает! – добавила Тяпа.

Польщенная, я распрямила спину и расправила плечи.

Мимо, выгибаясь в талии, проскользнул официант – симпатичный смуглый брюнет моих лет или чуть моложе. Когда он принимал мой заказ, я прочитала на бейджике, приколотом к ляжке малинового фартука, его имя: Селим. Турок, наверное. В Германии очень много потомков турецкоподданных.

Кажется, я этому Селиму понравилась. Всякий раз, пробегая мимо моего столика, он одарял меня улыбкой, а однажды еще и прищелкнул языком. Я не собиралась кокетничать с

обслуживающим персоналом, но внимание красивого юноши мне было приятно. Не вышла еще в тираж Татьяна, есть еще перец в перечнице!

На этот раз игривый официант осмелился мне подмигнуть, но не притормозил, умчался вдаль с подносом, на котором макетом летающей тарелки серебрилась сверкающая металлическая конструкция на растопыренных ножках.

– Это жаровня, – насмешливо сказала Тяпа. – Похоже, ты ошиблась. Твой Шестой не жениться сюда пришел, он просто ждал свой ужин – смотри, жаровню притащили именно ему.

– Вот черт, – огорченно пробормотала я и нервно скомкала салфетку.

В следующий момент официант, стоявший у столика пресловутого Шестого, потянулся, чтобы приподнять сверкающую металлическую крышку.

Грохнул оглушительный взрыв, в мгновенно наступившей ватной тишине меня снесло со стула и тут же накрыло упавшим столом.

– В-в-в-во-о-о-от че-о-о-о-орт! – в наступившей темноте пугающе медленно и с мучительным заиканием протянул мой внутренний голос – Тяпа или Нюня, я не смогла разобрать.

Затем мрак стал крошечным, черным, как смола, – и я в ней утонула.

Потом была тишина.

А еще потом-потом неспешно, словно метановый пузырь из недр болота, из подсознания всплыла и звучно лопнула моя первая мысль:

– Меня зовут Таня!

Дальше пошло быстрее и веселее – мысли запузырились густо-густо, как воздушные пузырьки в джакузи.

Я – Татьяна.

Татьяна Иванова!

Имя у меня заурядное, а фамилия и вовсе анекдотическая. Мне двадцать восемь лет, я не замужем и бездетна...

О господи!

Я как-то разом вспомнила все: и редакционное задание, и свой дебют на рынке виртуальных невест, и затянувшиеся посиделки со взрывом в берлинском кафе.

Надеюсь, я не умерла?!

Ужаснувшись этой мысли, я моментально распахнула глаза, и расплывчатое розовое пятно – чья-то физиономия – качнулось надо мной, как тронутый сквозняком воздушный шарик на ниточке.

– Боже милосердный, да она живая! – вскричал кто-то взволнованным сопрано.

Милосердный Боже на это сообщение ничего не ответил, а я вежливо прошептала:

– Вот спасибо...

Так сказать, одним разом поблагодарила и Господа Бога – за чудесное спасение, и обладателя взволнованного сопрано – за своевременный ответ на актуальный для меня вопрос.

– Врача, врача! Скорее, сюда! – голосило сопрано, мешая мне прислушаться к себе.

Боли я не чувствовала, и страха тоже, а вот неистребимое журналистское любопытство буквально толкало меня изнутри, вынуждая подняться. Из положения лежа открывался прекрасный вид на закопченный потолок с покосившейся люстрой, но это зрелище меня не увлекло. Информации было слишком мало!

Я попыталась сесть, но специально обученные люди в медицинской форме не позволили мне этого сделать.

И вскоре я уже выплывала из разгромленного заведения на покачивающихся носилках, вертя головой, как припадочная, чтобы успеть увидеть хоть что-то, пока не поздно.

Нетрудно было догадаться, что вернуться на место ЧП мне не позволят специально обученные люди в полицейском обмундировании.

Или еще более специальные – в скромных серых костюмах.

Они уже были там – и в помещении, и на засыпанном битым стеклом тротуаре. Меня пронесли совсем близко от одного такого «серого». Он царапнул меня острым взглядом – я обморочно закатила глаза – и сосредоточенно забормотал что-то в лацкан своего пиджака. А потом скосил глаза на кончик собственного носа, как собака, которой на морду села пчела – не иначе, прислушался к ответу невидимого собеседника.

Отзывчивый пиджак ответил ему по витому шнурку из-под воротника.

Я тихо порадовалась тому, что добрые доктора успели прикрыть мое лицо кислородной маской. Не хотелось, чтобы специально обученные люди меня запомнили. Я не собиралась залеживаться в больнице и не планировала выступать в роли свидетеля трагедии.

Я – девушка с амбициями, и из всех возможных ролей меня интересуют только главные.

Я при первой же возможности сбегу от медиков и постараюсь самолично разобраться в случившемся!

– Еще бы! Такая горячая тема! – с энтузиазмом поддержала меня Тяпа.

Она тоже окрепла и перестала заикаться.

Я почувствовала воодушевление.

К черту розовые сопли о свадебных букетах! Я сделаю такой репортаж, с которым меня возьмут не только в «Респект» – да хоть в «Таймс», хоть на «Би-би-си»!

– Вот и настал твой звездный час, Таня Иванова! – сказала Тяпа.

– Лишь бы не последний! – оробела Нюня.

И тут я увидела Его. Того самого парня – с приятным и одновременно незапоминающимся лицом положительного героя второго плана, типичного голливудского «хорошего парня». Из тех, знаете, симпатичных добродушных бестолочек, которым их бессовестные жены наставляют рога с героями-любовниками.

Он стоял в первом ряду зевак, за линией полицейского оцепления, и внимательно рассматривал суету у разгромленного кафе. Не смотрел, а именно рассматривал: я поймала на себе такой пронзительный взгляд – куда там скальпелю!

– Да уж, это зоркий сокол! Такой запросто разглядит и лицо под кислородной маской, и бельишко под платьем! – нарочито бодрясь, сказала моя Тяпа.

Она был встревожена, и я тоже заволновалась.

Голливудский типчик вышел из кафе незадолго до взрыва. Это могло быть случайностью, а могло и не быть.

Я подумала, что имеет смысл проследить за этим парнем.

– Врача, скорее! Сюда! – заголосили в отдалении.

Вторая неотложка еще маневрировала, протискиваясь поближе к месту происшествия. Медики, сопровождавшие меня, переглянулись и опустили носилки.

– Идите, идите туда, я в порядке, я подожду! – сдернув маску, по возможности твердым голосом сказала я.

И, разумеется, улизнула прочь от «Скорой», едва лишь эскулапы повернулись ко мне спиной.

Какое счастье, что для первого свидания с незнакомцем в кафе я экипировалась не очень пафосно!

Выбирая между безупречно элегантным белым платьем в стиле «Завтрак у Тиффани» и демократичными шортиками с маечкой, я благоразумно остановилась на втором варианте. Как будто предвидела, что мне понадобится одежда не столько эффектная, сколько удобная!

Впрочем, короткие джинсовые шорты не скрывали красоты моих длинных загорелых ног, а эластичная футболка подчеркивала стройность фигуры. Но самое главное – в качестве

сумки со мной был не дегенеративный клатч, способный вместить только плоский мобильник, пару купюр и пластиковую карту-ключ от номера в отеле, а моя любимая большая торба, набитая разнообразным полезным барахлом. И ради пущего соответствия спортивно-сексуальному стилю одежды я не повесила ее на плечо, а надела через грудь, так что длинный ремешок протянулся с правого плеча к левому боку, как пулеметная лента у запасливого бойца из кино про Вторую мировую войну.

Вот и получилось, что к неожиданным и внезапным военным действиям я оказалась более или менее готова: и сумку при взрыве не потеряла, и из толпы зевак не выделяюсь, и обута в удобные балетки, так что смогу без усталости следовать за объектом наблюдения бесшумным индейским шагом.

Объект мой тем временем уже начал выбираться из толпы. Я отошла в сторонку, повернулась к нему спиной и поглядела в зеркальце пудреницы. Заодно узнала, что лицо у меня все в бурых разводах и, не позволив себе испугаться увиденного, стерла их влажной салфеткой. Ничего страшного с моей физиономией не случилось – кровь сочилась из разбитой брови.

– До свадьбы заживет, – успокоила меня Тяпа. – Тем более что свадьба теперь откладывается на неопределенное время.

На черной ткани майки пятна крови были почти незаметны, а испачканные коленки я протерла той же салфеткой. Солнечные очки лежали в сумке, в твердом футляре, и не разбились. Я спрятала глаза за темными стеклами, сунула пудреницу в карман, позволила объекту отдалиться метров на десять и неспешно пошла за ним следом.

Как это делается, я сто раз видела в кино.

Вроде ничего сложного: шагаешь себе вслед за объектом с невозмутимым видом, подбираясь поближе к нему на улицах с оживленным пешеходным движением и отставая на пустынных участках. Если объект останавливается – ты тоже притормаживаешь и заинтересованно разглядываешь витрины, афиши – да что угодно, хоть писающую под ближайшим деревом собачонку!

Если он, например, присаживается на лавочку – ты зависаешь неподалеку, под любым благовидным предлогом: просишь у случайного прохожего прикурить и меланхолично смолишь сигареткой, заговариваешь с уличным продавцом, прицениваясь к сочным грушам, или подбадриваешь возгласами «У-тю-тю» писающую собачку.

Делаешь каменное лицо, если преследуемый внезапно разворачивается и идет прямо на тебя, как айсберг на «Титаник». Смотришь в сторону, чтобы ни в коем случае не встретиться с объектом взглядом. Отворачиваешься и пропускаешь его мимо, одновременно отслеживая его отражение в зеркальной витрине.

Упустив объект, ты не бросаешься следом за ним, как спринтер, а переходишь на другую сторону улицы, ускоряешь шаг и без суеты и ауканья ищешь свою пропажу за поворотом. И если там потерянный объект не обнаруживается, ты внимательно осматриваешься и мысленно – а не руками! – чешешь в затылке, соображая, куда же это он, гад такой, мог подеваться?! В магазин, в подъезд, в проходной двор, в открытый канализационный люк?!

Ничего такого за поворотом с одной нешумной улицы на другую просто не было. Впереди на полквартала тянулся красивый забор, огораживающий что-то еще более красивое.

Я рассудила, что в заборе этом наверняка имеется дверца, и заспешила. И впопыхах даже не заметила, как настоящие кирпичи и чугунные завитушки сменились убедительно нарисованными, вернее, напечатанными на баннерном полотне.

С чего это я, дура, взяла, что умею вести наружное наблюдение?!

Самонадеянность наказуема.

Прямоугольный лоскут баннерной ткани качнулся, словно в порыве ветра, и меня стремительно затянуло в расширившийся клин глубокой тени.

А дальше я ничего не помню.

В Лондоне стояла жара – мокрая, липкая, давящая.

Кривясь и морщась, Алекс свинтил с безымянного пальца тугое кольцо, уронил его в пепельницу и подумал, что это глубоко символично: обручальное кольцо – в пепельнице!

Алекс Чейни был директором брачного агентства и лучше многих знал, что так называемые «вечные» семейные ценности – суть прах и тлен.

Ничему нельзя верить. Ничему и никому.

Алекс тычком пальца включил компьютер, бухнулся в кресло, издавшее протестующий скрип, и энергично потряс над животом рубашку, ухватив ее двумя пальцами за среднюю пуговку.

Надо худеть. Толстяки переносят жару много хуже, чем тощие, а тут, говорят, глобальное потепление грядет.

– Хотел бы я быть таким, как ты! – ворчливо сказал толстый Алекс своему компьютерному двойнику.

Тот Алекс Чейни, который встречал клиентов на сайте агентства, выглядел идеально. Его облик смоделировали по результатам специально проведенного исследования на тему: «Внешность, располагающая к доверию».

У того Алекса не было лишнего веса, одышки, потливости и брюзгливого выражения лица.

У того Алекса были четко очерченный подбородок, понимающая улыбка, теплый «шоколадный» взгляд и вдумчивая вертикальная морщинка между бровями, не нуждающимися в прореживании.

Глядя на себя – идеального, реальный Алекс Чейни испытывал противоречивые чувства – гордость и зависть. Впрочем, их перекрывало чувство глубокого морального удовлетворения от работы того русского гения, который создал виртуального Алекса.

Русского гения нашел Иван – тоже русский. Он уже несколько лет жил в Лондоне, но не терял контактов с Москвой и на каждое упоминание российской столицы обязательно говорил, что всех там знает.

– Все одиннадцать миллионов пятьсот четырнадцать человек, проживающих в столице твоей Родины? – непременно уточнял Алекс Чейни.

Он не поленился и специально узнал итоги последней переписи российского населения.

Иван в ответ пожимал плечами и многозначительно улыбался. Он любил нагнать таинственности, потому что тщательно культивировал популярный имидж «этот загадочный русский».

Фамилия у Ивана была замечательная – Медведев, и на закономерный вопрос, а не приходится ли он родственником российскому президенту, Иван Медведев все с той же многозначительной улыбкой сообщал, что в России Медведевых – сотни тысяч.

Это звучало как ответственное заявление о принадлежности к очень большому и могучему мафиозному клану.

Что и говорить, Иван умел добавить себе весу в обществе!

«Этот загадочный русский» говорил по-английски почти без акцента, одевался, как настоящий лондонский денди, и очень любил разные присказки с зачином «мы, русские»: «Мы, русские, раненых не бросаем!», «Мы, русские, без боя не сдаемся!», «Мы, русские, добра не забываем!», «Мы, русские, зла не помним!».

Почему-то все его программные заявления от имени собирательного образа русских людей представляли жизнь как нескончаемый бой между добром и злом.

– Вы, русские, привыкли жить в биполярном мире, – умничал по этому поводу Алекс. – Вы видите действительность исключительно в черно-белом цвете, без полутонов.

– А ты Маяковского читал? Нашего знаменитого поэта? – с великолепным апломбом парировал Иван Медведев, и пристыженный Алекс тут же понимал, что никакой он не умник. – Владимир Маяковский написал стихотворение «Что такое хорошо и что такое плохо», очень поучительное, его маленьким детям читают. И ты тоже почитай, тебе полезно будет, там все плюсы и минусы жизни в социуме по отдельным полочкам разложены!

Иван Медведев пугающе шумно – как-то очень по-русски – хохотал, затем с размаху бил Алекса по плечу и добавлял примирительно:

– Ну, или «Звездные войны» еще разок посмотри, представителям западного менталитета кино понятнее, чем поэзия. А там тоже на ринге вечный бой добра и зла: в красном углу – Светлая сторона Силы, в синем углу – Темная!

Никаких преимуществ за пресловутым «западным менталитетом» Иван не признавал, зато не упускал случая продемонстрировать хваленую русскую смекалку.

– Алекс! Русский медведь в моем лице придумал роскошный пиаровский ход! – сказал он сегодня утром, смакуя классический английский чай – с молоком и без сахара. – Затраты, считай, нулевые, а результат может быть колоссальным. Твое брачное агентство разом захватит российский рынок невест!

– Это было бы хорошо, – осторожно согласился Алекс.

Они, русские, еще не поняли, что их рынок невест при грамотной разработке может быть прибыльным, как нефтяные прииски.

– Ведущее бизнес-издание страны – журнал «Респект» – в одном из ближайших номеров сделает обзор рынка виртуальных знакомств и опубликует рейтинг лучших брачных контор в Интернете, – прищурился Иван. – Ты понимаешь, к чему это я?

– К тому, что ты всех там знаешь? – догадался Алекс.

– Конечно, у меня есть добрые знакомые в журнале. – Иван кивнул и потянулся к пиджаку. – Я выяснил, что обзор по заданию редакции готовит вот эта милая девушка. Она считает себя очень умной и собирает достоверную информацию о разных агентствах «под прикрытием», коварно представляясь клиенткой.

Алекс принял сложенный вдвое лист бумаги, развернул его и посмотрел на фото. Судя по чопорному виду «милой умной девушки», она снималась на официальный документ, с которого и сканировали фотографию.

Определенно, Иван Медведев знал в России всех, кого нужно!

– Ты угадываешь ход моих мыслей? – с фирменной загадочной улыбкой поинтересовался все еще русский Иван.

– Конечно! – Западный менталитет тоже не подкачал. – Мы сделаем ей предложение, от которого она не сможет отказаться, получим великолепный отзыв и возглавим топ-список лучших агентств!

– Браво, Алекс! – Русский Медведев хлопнул Чейни по плечу. – Давай-ка найдем этой крошке прекрасного принца!

С учетом важности «роскошного пиаровского хода» прекрасного принца для коварной умницы искали всей конторой.

Три штатные сотрудницы, забросив все другие дела, вели поиск по основной базе данных, а Алекс Чейни самолично копался в анкетах ВИП-клиентов. Он с радостью отдал бы милой коварной журналистке хоть последнего неженатого английского принца, хоть молодого холостого миллионера, но таких привлекательных лотов на аукционе вечных семейных ценностей в данный момент не имелось.

Задачку вновь решил бесценный Иван Медведев.

– Иди-ка сюда! – позвал он Алекса. – Взгляни, похожа эта девочка на нашу?

Чейни послушно подошел к компьютеру Ивана и посмотрел на экран.

Девушка на фото была не столько красива, сколько мила. Смотреть на нее было очень приятно. Правильные черты и спокойное выражение лица радовали глаз, но не вызвали той мучительной жажды обладания, которая возникает при созерцании красоток на разворотах «Плейбоя».

Что и говорить, нетипичное фото для соискательницы брачного венца.

– Вообще-то, похожа, – Алекс сверился с распечаткой. – Только у нашей милочки глазки с зеленой, а у этой – карие. И волосы у этой более темные, длинные и вьющиеся.

– Ерунда, эти несущественные различия легко устроят цветные линзы и хороший парикмахер! – отмахнулся Иван. – А ты посмотри, какое интересное предложение!

– Весьма интересное, – согласился Алекс, быстро пробежав глазами по строчкам удивительно четко сформулированного заказа.

Клиент абсолютно точно знал, чего он хочет – редкий случай!

«Одиноким состоятельный мужчина желает жениться на девушке, максимально похожей на представленное изображение. Возраст невесты двадцать – двадцать пять лет, рост 168–170 см, национальность, вероисповедание, образование и профессия значения не имеют. Первая встреча – в курортном местечке, все расходы за счет клиента, интим до брака не предполагается. В случае, если при личном знакомстве претендентка будет признана неподходящей, ей гарантирована выплата денежной суммы, как компенсация за потерянное время».

Алекс Чейни принял решение моментально.

– Как мы свяжемся с этой девушкой? Ее же нет в нашей базе невест?

– Зато она есть в базах наших конкурентов – и в открытом доступе!

Всезнающий Иван легко пробежался пальцами по клавишам и победно ткнул в кнопку «enter», открывая чужой список более или менее прекрасных дам, претендующих на вакантные места у семейных очагов.

– Вот тебе и имя ее – Татьяна Иванова, и тут же мейл для контактов. Я же сказал тебе, что продумал этот пиаровский ход. А мы, русские, слов на ветер не бросаем!

– Девушка с твоей замечательной внешностью не может жить скучно! – часто говорит мне любящая мама.

Слава богу, она не знает, насколько нескучно живет девушка с моим замечательным характером!

Маму я берегу, о своих приключениях ей не рассказываю.

Мама была бы в шоке, узнав, что злые люди лишили меня сознания дважды за единственный вечер.

И он, кстати говоря, еще не закончился.

Или все-таки закончился? Что-то уж очень темно.

Я открыла глаза и замедленными рывками поднесла к глазам левое запястье. Это простое движение далось мне нелегко, но принесло двойную пользу: я узнала, который час – начало восьмого, – и выяснила, что меня не ограбили. Часы были при мне, и сумка, с виду неповрежденная, мягко бугрилась под боком.

Кроме сумки, ничего мягкого и вообще приятного подо мною не имелось. Я лежала на грязном асфальте, уткнувшись лицом в глухой забор из гофрированного металла, укрытая, точно косой стеной палатки, плотным баннером.

Стало ясно, что меня не только не ограбили, но и не похитили, оставив лежать точно там же, где отключили.

Толком вспомнить, как это произошло, я не смогла. Тело сохранило лишь ощущение теплого плотного прикосновения к шее и нарастающего звона в ушах. Кажется, меня банально придушили. Или не банально, а, наоборот, виртуозно.

Вот ведь мерзавец – этот голливудский типчик!

Сумка завибрировала, толкая меня в бедро.

– Самое время поболтать по телефону, – язвительно пробормотала я и кое-как достала мобильник. – Да?

– Надо говорить «алле», – вразумил меня незнакомый мужской голос. – Отвечая «да», ты как будто заранее соглашаешься со всем, что от тебя могут потребовать. Проснулась? Вот и молодец. Давай вставай и иди, пока с тобой ничего плохого не случилось.

– Вы кто? – хрипло выдохнула я.

Вообще-то я хотела спросить не так. «Вы кто – идиот?!» – хотела спросить я, но захлебнулась возмущением, вызванным предположением, будто ничего плохого со мной сегодня еще не случилось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.